

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Закон природы и закон свободы в философии И. Канта

Анна Гилёва Антоновна

Студент

ПГНИУ, философско - социологический, Пермь, Россия

E-mail: drygaya-555@mail.ru

Тема свободы является одной из центральных в философии вообще, потому как от ее решения зависит смысл существования человека. «Свободно действующие люди – разведчики будущего, которые зачастую ценой своей жизни все-таки прокладывают для общества новые пути» [3, с. 297]. В первой критике содержатся все основные положения учения философа, которые были разработаны в следующих критиках и сводятся, в конечном счете, к проблеме свободы. «Все вопросы, затрагиваемые Кантом в рамках его философского учения, так или иначе, оказываются рефлексией по поводу проблемы, фундирующей всю его систему в целом, а именно – проблемы свободы» [4, с. 170].

Основания теоретического разума в работе Канта «Критика чистого разума» – априорные пространство и время, спонтанность самосознания и трансцендентальная идея свободы - то, за что нам позволено «зацепиться» в решении вопроса о свободе воли.

Наша задача - показать, каким образом разум выступает порождающей причиной поступков, относящихся к сфере опыта. Кант пытается решить эту проблему через различение умопостигаемой и эмпирической казуальности, понятий феномена и ноумена.

Феномен - предмет чувственного познания. Ноумен - объект нечувственного созерцания, умопостигаемый предмет.

Аналогично этому, при помощи замечаний Н. Хинске, мы можем сказать, что понятие казуальности (причинности) имеет соответствующие виды: во-первых, это естественная и свободная казуальность – о которых мы знаем из «Критики чистого разума», во-вторых, это чувственная и умопостигаемая казуальность.

Понятия умопостигаемой и эмпирической казуальности перемещают различие между вещью в себе «в конкретную ситуацию действия одного и того же человека», т.е. в этом случае речь идет о «двух сторонах» одного и того же казуального процесса» [5, с.149]. «То, что в чувственно воспринимаемом мире следует принимать как явление» подразумевает конкретного действующего человека посреди разнообразных обусловленностей, определяющих его поведение; речь же о некоей «способности», не составляющей предмета чувственного созерцания, но могущей быть причиной явлений», нацелена на способность чистого практического разума или совести», предпосылки действия которых, так или иначе влияют на конкретную ситуацию действия [5, с.150]. «Если то, что в чувственно воспринимаемом мире следует рассматривать как явление, обладает само по себе также способностью, не составляющей предмета чувственного созерцания, но могущей быть причиной явлений, то причинность такой сущности можно рассматривать с двух сторон – в качестве умопостигаемой по ее действию как вещи самой по себе и в качестве чувственной по результатам этой причинности как явления в чувственно воспринимаемом мире». «О способности такого субъекта мы бы соответственно составили эмпирическое и рассудочное понятия его причинности, относящиеся к одному и тому же действию» [1, с.415].

Исходное положение субъекта, действующего человека: с одной стороны, он видит себя, свои поступки как результаты воздействия определенных событий, людей, с другой стороны, он заключает в себе то, что называют совестью, или, то, в каком виде мы это видим у Канта – категорически повелевающее суждение его практического, и по возможности, чистого разума. Особенностью поступков, исходящих из последнего, является то, что ее казуальность не может быть исследована, раскрыта, понята никем, кроме самого действующего субъекта, она «остаётся рискованной мыслительной конструкцией» [5, с.150].

Каждый субъект имеет свой характер, который следует понимать как закон своей казуальности, то есть то, что действия субъекта необходимо должны быть подчинены какому-либо закону. Действие, не подчиненное тем или иным законам невозможно – это отчетливо выводится из утверждения Канта о существовании двух видов казуальности – умопостигаемой и эмпирической казуальностей. Таким образом, все подчинено какому-либо правилу, либо природы, либо необходимости.

«Действующий субъект по своему умопостигаемому характеру не был бы подчинен никаким временным условиям... его причинность не находилась бы в ряду эмпирических условий, которые делают необходимым событие в чувственно воспринимаемом мире» [5, с. 416]. Но этот умопостигаемый характер мы не можем познать непосредственно, мы должны полагать его в основу явлений, даже если мы не знаем, что он такое сам по себе. «По своему умопостигаемому характеру этот же субъект должен рассматриваться как свободный от всех влияний чувственности и определения посредством явлений... такая сущность самопроизвольно начинает свои действия в чувственно воспринимаемом мире» [5, с.416].

Такая деятельная сущность умопостигаемого характера, говорит Кант, независима от естественной необходимости, и начинается не в ней самой. В чувственно воспринимаемом мире действия не могут начинаться самопроизвольно, в нем они заранее определены эмпирическими условиями и лишь при помощи эмпирического характера возможен характер умопостигаемый как «продолжение данного ряда естественных причин» [5, с. 416]. И так, в одном и том же действии имеются одновременно без всякого противоречия природа и свобода, в зависимости от того, к какому виду причины мы его относим.

Моральный принцип устанавливает закон причинности, который является определяющим основанием выше условий чувственно воспринимаемого мира. Воля, принадлежащая к этой причинности, также и субъект этой воли (человек), - принадлежат к умопостигаемому миру.

Однако «закон свободы должен быть применен к поступкам как к событиям, которые происходят в чувственно воспринимаемом мире и постольку, следовательно, принадлежат природе» [2, с.180]. Согласно Канту, закону природы, как закону, которому подчинены предметы чувственного созерцания, должна соответствовать схема. В качестве нее выступает общий процесс воображения.

Но под закон свободы нельзя подвести никакую схему для его конкретного применения. Следовательно, говорит Кант, посредником между нравственным законом и предметами природы, служит рассудок, который «под идею разума может подвести не схему чувственности, а закон, но такой, что он может быть конкретно представлен на предметах чувств, стало быть, закон природы, но только по его форме – как закон для способности суждения; и этот закон мы можем назвать поэтому типом нравственного

закона» [2, с.181]. Форма этого закона: «спроси себя самого, можешь ли ты рассматривать поступок, который ты замышляешь, как возможный через твою волю, если бы он должен был быть совершен по закону природы, часть которой составляешь ты сам?» [2, с.181]. Он есть тип оценки максим наших поступков согласно нравственным принципам.

Итак, этот закон природы есть лишь тип закона свободы, и наоборот, можно пользоваться природой чувственно воспринимаемого мира как типом умопостигаемой природы, пока я отношу к этой природе только лишь форму законосообразности вообще. «В самом деле, законы, как такие, в этом отношении тождественны, откуда бы они ни брали свои определяющие основания» [2, с.182].

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.Лосского. – М.: Эксмо. 2010.
2. Критика практического разума./ И.Кант. Сочинения в шести томах. Т. 4. М.,1963.
3. Никифоров А.Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности / Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995., С. 297-319.
4. Философия Канта как философия свободы: иная глобализация. Обзор X международного кантовского конгресса / Н. А. Дмитриева// Вопросы философии, 2006, 8, С. 169-180.
5. Хинске Н. Кантовское разрешение антиномии свободы или неприкосновенное ядро совести // Вопросы философии, 2. 2005 г., С. 144-157.